

Ковтун Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

**Юридическая наука в условиях экзистенциального кризиса:
насколько в наличии силы и средства для ответа на вызовы**

Науки нет, есть только науки.
Николай Бердяев

Как-то так интересно сложилось, что проблема роли и назначения юридической науки в жизни государства и общества особо остро и актуально являет себя либо на переломных этапах их исторического развития, либо во времена экзистенциальных вызовов, ставящих под угрозу сам факт дальнейшего существования этих социальных структур. И можно, конечно, либо конвенционально соглашаться с сутью данного тезиса, либо системно, скрупулезно, уничижительно показать его несостоятельность посредством целой системы аргументов, фактов, наглядных примеров. Тем не менее мы и далее будем «упорствовать» в этом послыле, в том числе отстаивая как решающий довод тезис о том, что наиболее известные и значимые юридические памятники в той или иной правовой национальной системе были явлены обществу именно как средства разрешения наиболее серьезных конфликтов и вызовов «смутного» времени.

И то, что в последние годы российская правовая доктрина все более ставит на обсуждение общества проблемы вызовов времени и роли юридической науки в их разрешении, видимо, уже надо оценивать не столько как акт приглашения к очередной научной дискуссии, сколько как знак, своего рода знамение времени о том, что либо в социальной системе латентно скрываемый кризис, либо его предтеча, некий «общественный дискомфорт», который государство для целей своего бытия уже игнорировать просто не в состоянии. Знак, полагаем, и то, что реальное наличие вызовов — предмет акцентуаций ведущих корифеев той или иной отрасли российского права, которые в итоге суммируют, что современная правовая доктрина не в состоянии предложить ни подлинно эффективных идей, ни актуальных подходов, ни новых доктрин. Указанное при этом касается как внешних запросов к правовой научной системе, адресуемых непосредственно от государства и его правоприменительной практики, так и внутренних вызовов, объективируемых в рамках научной среды¹.

Между тем от науки, как и ранее, не требуют ничего невозможного. Юриспруденция — область создания и использования актуальных и эффективных юридических средств по управлению обществом. Процессы объективации и применения данных средств, соответственно, требуют наличия максимально достоверных, полных, практически верифицируемых знаний о государстве и обществе, о процессах, в них осуществляемых, средствах управления этими процессами; эвентуально прогнозируемых результатов (правового) воздействия. Субъект «производства» и представления указанных знаний и есть юридическая наука, призванная, прежде всего:

- к выявлению экзистенциальных вызовов государству и обществу;
- точному описанию их характеристик, реальных причин объективации в социальной среде, в диалектике взаимосвязей и взаимообусловленности с различными общественными процессами и точным прогнозом генезиса, и возможного комплекса деструктивных последствий для общества;
- разработке, обоснованию, своевременной модификации актуальных юридических средств, призванных к социально востребованному «ответу» на возникшие вызовы, с целью их нивелирования или хотя бы существенной минимизации наиболее негативных последствий;
- «контролю» за процессом воздействия на возникшие вызовы и своевременному предложению новых «программ» либо к честной констатации, что наличными средствами государства эти вызовы (на данном конкретном этапе) решены быть не могут.

Однако в этой простой и несложной «программе» есть один интересный нюанс. Науку, как акцентирует В. В. Лазарев, «производят» отдельные ученые, творческие группы, научные учреждения.

¹ См., например: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // *Lex Russica*. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. Вып. 4 (22). С. 52–62; и др.

Между тем с учетом наличного состава исследовательских кадров в настоящее время и собственно качества произведенной «продукции», наука, как и ее результаты, сильно не однородны. Исследователь выделяет три ее разновеликие части¹.

Первая, самая древняя, должна быть поименована «служанкой» (при власти. — Н. К.). Представители указанной части, как правило, хорошо образованны, начитанны, высокоэрудированны; отлично понимают проблему, в том числе в генезисе реальных причин и условий ее появления. Отсюда они, по идее, вполне в состоянии весьма точно обозначить как ее дальнейший генезис, так и круг возможных последствий. При наличии эффективных организаторских качеств именно представители этой подгруппы нередко объективируются как лидеры того или иного научного направления. Однако указанное не является причиной для личного или коллективного «подвига». Особенно, если это связано с крушением публичных «основ» и «столпов», когда причина кризиса и нарастающих вызовов в самом государстве (как власти). Здесь геройствовать «себе дороже». Система подобного «падения» не поймет и тем более никогда не простит. В итоге подвиг — максимум этой подгруппы — уже сама публичная постановка проблемы, обозначение структурных ее элементов, пунктирное указание на (потенциально) виновных, но никак не объективный, бескомпромиссный анализ, действительно, реальных причин и условий формирования системного кризиса, тем более не революционная программа качественно новых усилий и средств по кардинальному его разрешению. Устои неприкасаемы.

Субъективно и иронично мы характеризуем указанное как «казус Сперанского» (в генезисе мимикрии этого деятеля от либеральных шалостей 1805 года до авторства («неопубликованного») приговора над декабристами в 1825 году и далее). Есть, конечно, примеры и посвежее. Допустим, в образе крайне ученой грамотной дамы, пытавшейся на срезе «лихих» 1990-х посредством прелюбопытнейшей «докторской» обосновать либеральные концепции самоограничения судом государства. Естественно, публично была «не понята», «не оценена», в силу чего и сама защита столь либеральных идей свершилась несколько за пределами исторической Родины. Однако в дальнейшем — в рамках четырех «сытых» каденций в парламенте, вписавшей свое имя в «историю» исключительно посредством агрессивного личного авторства ряда весьма одиозных законов, всецело направленных к подавлению малейших ростков гражданских прав и свобод. Как следствие, вся суть изысканий представителей этой подгруппы изначально ограничена вектором «чего изволите», а средства и итоги подобного рода исследований не столько поиск, анализ и представление истины, сколько наукообразное описание ожидаемого результата в оценке сути, причин и следствий проблемы с набором факультативно предлагаемых для ее разрешения (якобы) средств. Достаточно очевидно и то, что, несмотря на то, что этот «набор», как правило, в принципе не решает исходного системного вызова, этот исследователь будет должно оценен и обласкан и власть предержащими, и бесчисленной когортой последователей-учеников, «творящих» в ожидании своего часа и честно заработанной «доли».

Вторую, весьма фрагментарную часть в дифференциации В. В. Лазарева представляют ученые, ментально обремененные исключительно поиском чистой, абсолютной, «божественной» истины. Они искренне верят, что ни у кого не состоят в услужении; никому, никогда, ничем не обязаны. Истинно они познали глубинную суть государства и права, и каждая их публикация, тезис, программа — суть откровение. А то, что их «не поняли», «не сумели» — суть достоверное подтверждение божественной заповеди «...о жемчуге, брошенном свиньям» (Мф. 7:6). В силу своей «божественной» сути они, как правило, не сотрудничают с властью, а если в «клихье», переломные годы и попадают во власть, последствия их «реформ», программ и новаций преодолеваются обществом с предельным напряжением оставшихся сил и ресурсов. В итоге, если им и позволяют «творить», то лишь в пределах «сельского сумасшедшего». Выход за эти пределы, когда под угрозу подлинно поставлены политические, идеологические, экономические основы власти (именуемой государством), определен изначально. Отсюда даже латентный статус «иноагента-исследователя» практически однозначно исключает эту подгруппу из претендентов на «подвиг» и авторство актуального ответа на экзистенциальные вызовы.

Третья часть, по утверждению В. В. Лазарева, самая обширная. Это то самое «юридическое общество», к которому, с одной стороны, усиленно (но с несколько разными тезисами) перманентно

¹ См., напр.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (22). С. 189–190.

апеллируют и власть, и представители первой подгруппы, причем как в поисках (как бы) ответов на вызовы, так и в контексте отыскания «дежурных» виновных. С другой стороны, именно этот рабочий «планктон» бесчисленными (но, по В. В. Лазареву, бесплодными¹) публикациями, конференциями, диссертациями, новациями *de lege ferenda* ежедневно объективирует в социуме некий предмет, который принято характеризовать как науку.

Естественно, он также сильно неоднороден и в телеологическом, и интеллектуальном контекстах, ибо подавляющее большинство, обретая искомую начальную степень, даже не помышляет о месте в первой подгруппе. Их удел — «уложиться» в назначенный рейтинг, выработать ту или иную нагрузку, «разродиться» одной, как подвиг, двумя ВАК-публикациями в год для целей строгой отчетности. В этой когорте — и соискатели научных степеней со столь же нужными к защите публикациями-достижениями, коих *a priori* не может быть меньше трех — четырех. С диссертациями и положениями к защите, в которых в десятый — двадцатый раз усиленно утверждается о еще более новом, актуальном и комплексном раскрытии темы, до буквы изученной в десятках ранее изданных публикаций. Что нового, актуально востребованного привносит в науку этот сугубо бюрократический вал производства «исследователей», основной показатель эффективности которого — прирост обязательного показателя к предыдущему году. Какие еще вызовы времени, экзистенциальные кризисы, поиски истины и инновационных решений, если под ведомственным бюрократическим прессом только темпланы, программы, ФОСы надо инновационно «переиначивать» по два — три раза в год? Иначе все: «кризис» не оправдали, сорвали процесс. Дотянуть бы до пенсии — до «подвига» ли в науке здесь.

Другая часть, напротив, сверхмотивирована, заявляя о «докторской» и праве на лидерство буквально через сутки после кандидатской защиты. У этих вал «мусорных» ВАК-публикаций, заявок на конференции предельно зашкаливает. Подбор хорошо мотивированных оппонентов и спешно подготовленных «монографий» неожиданно впечатляет. Система в итоге «сдается»: юридическая наука получает очередного ученого, сильно претендующего на место в элитной подгруппе. С последним, правда, не всегда получается, так как «корма и места» при власти на всех не хватает. Отберут единично лишь самых проворных, действительно знающих и умеющих все (особенно в части правил «игры»). Остальным остается заявиться в качестве «лидеров» регионального уровня, заняв свои места в ученых и диссертационных советах, в множатся псевдонаучных исследовательских отделах и центрах ведущих юридических вузов страны, где основной показатель высокой «научности» — все то же наличие двух — трех ВАК-публикаций в год. Интеллектуальная ценность трудов этой подгруппы предельно емко охарактеризована В. В. Лазаревым как «словоблудие», тем не менее при официальном заказе они по калькам отцов-основателей легко обоснуют и факт присутствия общегражданского общества, и твердое становление правового государства, и глубоко самобытную (скрепную) форму национального права. В итоге эти если и сформируют ответы на вызовы, то, как правило, в форме блеклых «скриншотов» идей представителей первой либо второй из подгрупп.

В итоге, закономерен вопрос о Мессии. В. В. Лазарев «намекает» в ответе и на этот запрос. К примеру, когда утверждает, что в связи с наличием вызовов нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий общественный дискомфорт должен устранять власть (Царь, КПСС, Президент), ибо в российском обыкновении власть для того и власть, чтобы реагировать на стрессовый дискомфорт и организовывать цивилизованное преодоление кризисных ситуаций².

По идее, все правильно. И если есть сомнения по сути этого тезиса, то исключительно в том, надо ли что-либо «переосмысливать», если в ментальности российского общества все практически без изменений (в том числе в части решения проблем самобытным «цивилизационным путем»). Как следствие, ничего не «переосмысливая», возьмем на себя смелость утверждать, что послы на современные экзистенциальные вызовы времени должны быть ясно и недвусмысленно не только обозначены, но и властно реализованы именно высшим должностным лицом и лидером государства. Первопричины указанного как в сути угроз политического, идеологического,

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (22). С. 189–190.

² См. там же. С. 183.

управленческого, экономического характера, так и в реальном состоянии российского общества. Симулякры общественной жизни хороши и работают только во времена обеспеченной «сытости» и «глубокого удовлетворения» общества сим определяющим фактором. И напротив, во времена, скромно именуемые «общественным дискомфортом», акты общественного недовольства все более испытывают на прочность «котел» общегосударственного устройства и бытия. Перманентно «спускать пар» уже не всегда удается.

Реальные выходы из ситуации кризиса, полагаем, также не только известны, но и не раз апробированы российским историческим опытом: либо государство, общество, наука выходят из кризиса, действительно, цивилизационным путем, либо история рано или поздно явит известные примеры иных ответов на экзистенциальные вызовы.

Напомним, к примеру, период, предшествовавший Великим реформам Российской империи, 1860–1864 годов. Тридцатилетнее правление императора Николая I (великого «жандарма Европы») окончено проигранной Крымской войной и по факту капитуляцией России перед объединенной Европой, подписанной в Париже 30 марта 1856 года. Веками крепостническая, экономически отсталая, практически полностью необразованная и всецело бюрократически управляемая страна просто не смогла ответить на те внешние и внутренние вызовы, которые были поставлены в этот период перед государством и обществом. Внутреннее и внешнее напряжение социума искало выход из общего состояния неудовлетворенности, разочарования, национальной обиды — «крышка кипящего котла» могла быть снесена в любой момент в силу любой из причин. В итоге Александр II не только решается на кардинальные реформы в государстве и обществе, но и во многом становится властным «перводвигателем» крестьянской, земской, городской, судебной, военной, финансовой, образовательной реформ. Несмотря на явное, не всегда завуалированное противодействие сословного дворянства и чиновничьей бюрократии, императорский посыл на реальные реформы, на их завершение привел к качественно осязаемым результатам. За два – три десятилетия страна была кардинально преобразована, возрождена, вновь заняла свое законное место на мировой и исторической арене¹.

Что касается собственно юридической сферы, Судебные Уставы 1860–1864 годов и с позиций современного юрико-правового анализа являются образцом (эталоном) и собственно юридической техники, и выверенности большинства нормативных правовых предписаний. То же можно сказать относительно, действительно, монографических трудов талантливейших деятелей и представителей судебной реформы, которые, осознав и приняв дарованные свободы, исчерпывающе обосновали основные концепты подлинно состязательной формы процесса, отказа от формальной теории доказательств, свойств их релевантности и допустимости для процесса доказывания; и т. д. При этом данным исследователям, в отличие от современной уголовно-процессуальной доктрины, не надо было тратить усилия для высоконаучного обоснования, публично незыблемых симулякров об особом назначении и особой природе российского правосудия и уголовного судопроизводства в целом; придумывать всецело фальшивые смысловые конструкции для объяснения редкой «самобытности»:

— российского понимания принципа и функции состязательности процесса и равенства прав сторон в нем;

— необязательности для России норм международного договора межгосударственного характера, подписанного и ратифицированного стороной в договоре без особых (привилегированных для себя) оговорок;

— чисто национального внутреннего убеждения судей как основы (стандарта) для разрешения дела по существу;

— соглашения обвиняемого о сотрудничестве с прокурором, при котором в принципе нет соглашения сторон ни по одному из основных вопросов уголовного дела, а суд всегда вправе выйти за пределы требований обвинительной власти, несмотря на «согласованные» условия договора-сотрудничества и притязания прокурора непосредственно к суду;

— особой формы российской апелляции, более напоминающей печально известную «советскую» кассацию, чем форму классического пересмотра дела и приговора по существу более опытным и компетентным судом;

— крайне любопытной модели российской кассации, в рамках которой окончательный акт суда (*res judicata*) может быть дважды проверен и пересмотрен неоднократно и в различных судебных

¹ Подробнее см.: Сутоцкий А. Р. Великие реформы // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 3–14.

инстанциях, причем и по вопросам законности, и обоснованности, и справедливости в интересах исключительно особой «советской» законности;

— в принципе необъяснимой формы надзорной проверки, призванной еще раз проверить (неоднократно проверенный в апелляции и кассации) акт *res judicata*, ибо Президиуму Верховного Суда Российской Федерации, видимо, просто больше нечем заняться в гражданском обществе и правовом государстве; и т. д.

Когда-то один из профессоров, у которого автор также учился, констатировал: «Настоящая наука начинается там и тогда, где она берет на себя смелость сказать “нет” власти». От себя добавим: «нет» принудительному диктату и лицемерной исследовательской лжи о сущем и должном в праве; «нет» сочинению общеобязательных симулякров, посредством которых белое следует именовать черным, а черное — белым. «Нет» — в обязательном наукообразном описании и восхвалении того, чего в принципе нет ни в обществе, ни в умах. «Нет» тому же в процессе обучения и воспитания, пришедших в науку исследователей, а не в некое подобие иезуитского ордена, отчего-то веками возглавляемого исключительно генералами; видимо, более понимающими толк в необъявленной и все еще незаконченной ментальной войне за умы и души.

От науки требуют принципиальных, честных, обоснованных и актуальных ответов на вызовы, а кто из названных выше подгрупп, решившись «на подвиг», сможет именно так их сформировать и представить, когда правила и последствия этой интересной «игры» известны и широко апробированы на конкретных, весьма известных примерах. Роль «сельского сумасшедшего» или однозначно опасного для национального суверенитета, интереса и национальной безопасности «иноагента» вряд ли устроит представителя любой из названных выше подгрупп. Помнится, нам публично и долго акцентировали, что именно «бытие» определяет сознание. Отсюда — итоговый результат принудительно спущенного «сверху» научного заказа относительно актуального ответа на вызовы, скорее, будет соответствовать изначально навязанным и строго контролируемым правилам, чем подлинным запросам и вызовам государства и общества. Иного система не примет, пока ее не заставят принять, ибо известная формула «верхи не хотят, низы не могут», как свидетельствует объективный исторический опыт, решается либо непосредственно властью, либо давно известными средствами.

Кодан Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
управления научных исследований,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
член экспертного совета по праву и политологии,
Высшей аттестационной комиссии
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации

Междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке: исторические контексты и современные проблемы

Утверждение в 2021 году приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) новой номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, затем и введение в действие Высшей аттестационной комиссией (далее — ВАК) при указанном Министерстве паспортов научных специальностей выделили область науки — «Социальные и гуманитарные науки» с обозначением в ней направления научной аттестации и позиционировали в пять объединенных научных специальностей с вошедшими в них отдельными юридическими дисциплинами. Это отразило современные тенденции в развитии научного знания, поскольку «современная наука разрушила условности и границы». Актуальные научные исследования, как правило, связаны с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям.